

Сергей Николаевич Белкин –

главный редактор альманаха
и портала «Развитие и экономика»

Обдумывая «Уроки СССР»

Чем дальше от нас — во времени — Советский Союз, тем актуальнее становятся размышления о том, чем он являлся. Ведь мы так и уплыли на корабле истории, унося с собой не только тезис «мы не знаем общества, в котором живем», но и описываемое им состояние. И унесли мы его не как актуальный вопрос, а как род насмешки над недотепами из прошлого. Причем так и не понятое нами общество легко и беспечно отвергается как «плохое». «Не знали, не знаем — но отвергаем!» — твердят нам пропагандисты и «прогрессивная интеллигенция». Но несмотря на исключительные по своей интенсивности и длительности пропагандистские усилия, направленные на интерпретацию советского периода как черной дыры русской истории, как государства тоталитарного ужаса, несмотря на то что «после СССР» родилось и выросло целое поколение «промытых мозгов», общественное мнение неуклонно не только удерживает в своем сознании позитивный образ СССР, но и наращивает такую оценку. Пропагандисты анти-советского толка, разумеется, этим

обеспокоены, поскольку рост «про-советских» настроений дезавуирует все их многолетние усилия.

Вероятно, если бы построенное нами ко дню сегодняшнему государство и сформированное общество были явно лучше, чем СССР, то ностальгия по прежним временам носила бы не более чем лирический характер. В действительности же мы имеем раздражающе неэффективное государство, общество в состоянии раздрая и недовольства и плохо предсказуемые, но весьма вероятные нежелательные перспективы.

Сравнивая свое настоящее с прошлым, люди ощущают фундаментальные отличия того базиса, на котором строилось советское общество, от той системы отношений между людьми, на которой даже не стоит, а неустойчиво колеблется наше современное государство. Всё актуальнее становится вопрос: что же именно мы тогда — в девяностые — еще раз «разрушили до основания»? Не пора ли, наконец, извлечь уроки из того грандиозного, драматичного и очень дорогостоящего опыта, который обрел наш народ за десятилетия «строительства социализма в СССР»?

К сожалению, имитация стремления «извлечь уроки» превращена в натиск пропаганды, в обличение «тоталитаризма», «застоя», «административно-командной системы», в замену знания — штампами и лозунгами. Такой подход ничего общего с продуктивным непредвзятым анализом не имеет и призван как раз препятствовать подобного рода размышлению. Столь же непродуктивен и вреден примитивно «просоветский» взгляд: всё было прекрасно, но завелись враги внутренние и внешние, которым удалось подточить здоровое дерево социализма и погубить страну. Мы оказались зажаты между двумя полюсами: «всё было очень хорошо» и «всё было очень плохо». И это не просто две полярные точки зрения, между которым должна лежать «истина», это принципиально неверная система координат, в рамках которой «истину» обнаружить невозможно.

К тому факту, что «СССР распался», у каждого имеется свое эмоциональное отношение. Большинство сожалеет, меньшинство считает это благом.

К тому факту, что «СССР распался», у каждого имеется свое эмоциональное отношение. Большинство сожалеет, меньшинство считает это благом. Количество статей, в которых даются ответы на вопрос «почему распался Советский Союз?» велико и продолжает возрастать. В этих статьях представлены различные суждения, указаны факторы, влиявшие на распад СССР, что позволяет людям, имеющим собственное эмоциональное отношение к произошедшему, обрести нечто вроде «научной основы» и «серьезной аргументации».

Чаще всего объяснение причин распада СССР сводят к той или иной комбинации «причин»: Советский Союз распался, потому что был нежизнеспособен изначально,

по своему замыслу; потому что руководство страны его намеренно уничтожило либо допустило смертельные для государства ошибки; страну уничтожили внешние и внутренние враги; СССР не выдержал мировой конкуренции. Среди причин называют также центробежные усилия националистов, отсутствие достойных преемников Сталина, стремление партийного руководства к материальному обогащению и вхождению в мировую элиту путем конвергенции, есть и простенькие объяснения типа «все империи распадаются».

Для тех, кто находит в этом или расширенном наборе «причину», гармонирующую с его уже существующей эмоциональной оценкой, «усвоенные уроки истории» на том и

Статья является попыткой размышлений в связи с опубликованным в 2012 году исследованием Спартака Никанорова «Уроки СССР. Исторически нерешенные проблемы как факторы возникновения, развития и угасания СССР».

завершается. У политических пропагандистов перечисление причин гибели страны тоже присутствует в арсенале средств, но для них еще важнее утвердить общество в мысли: распад СССР доказывает, что коммунистическая идеология и модель социализма несостоятельны, что историческая ошибка исправлена и Россия вернулась на единственно верную — «естественную» — дорогу развития, такую же, как у всех «цивилизованных стран».

Казалось бы, в современной России совершенно иное государственное устройство, другие принципы и основания жизни: в СССР был социализм, в России — капитализм. Социализм умер — почтим па-

мять о нем и будем созидать новую Россию, свободную от ошибок и груза прошлого. Зачем нам уроки СССР, если мы не собираемся его восстанавливать и не хотим возродить социализм в России?

Эта статья не имеет целью в очередной раз проанализировать причины распада СССР. И не является пространным призывом «извлечь из истории уроки». Эта статья — попытка обосновать жизненно важную ценность «уроков СССР», без усвоения которых невозможно никакое стратегическое планирование развития современной России. Да и мира в целом.

То, что «уроки СССР» выходят далеко за рамки анализа проблемы строительства социализма, но позволяют приблизиться к пониманию глобальных исторических процессов, разглядеть ранее не замеченные движущие силы истории, сформулировать исторически

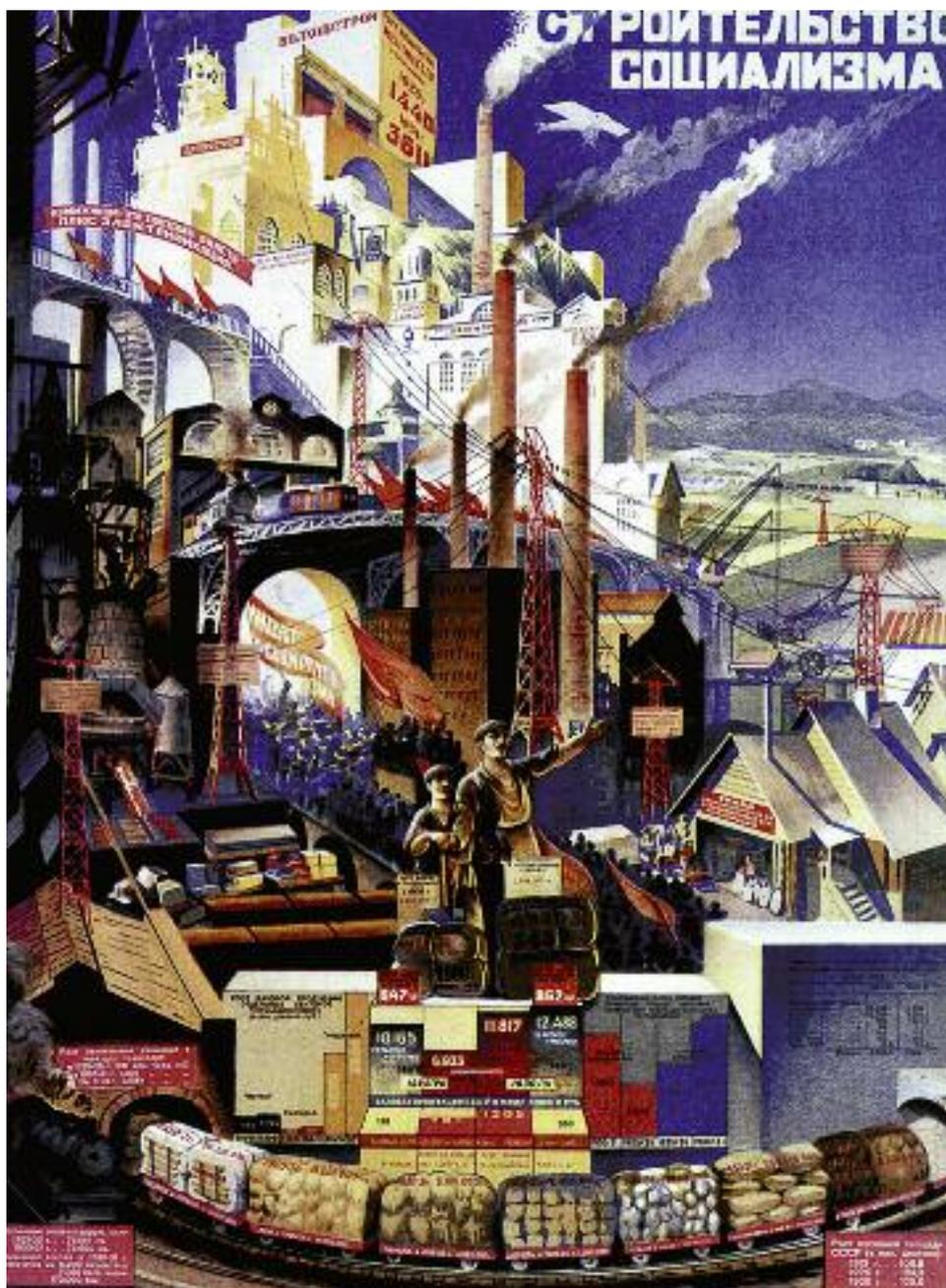
на его объяснении как исторического опыта и извлечении из него уроков для будущего человечества». Такую позицию невозможно ожидать от политологов и историков, не говоря уже о действующих политиках или публицистах: они призваны давать именно оценки, трактовать все явления с точки зрения «хорошо» или «плохо», а не бесстрастно вскрывать суть происходящего *per se*. При этом автор «Уроков» весьма скептически оценивал круг возможных читателей, полагая, что ими станут «пока еще редкие сторонники разработки различных методологических подходов к исследованию гиперсложных предметных областей, поэтому искомые уроки не ориентированы на текущую политическую практику России и других стран». Мы же, напротив, охвачены стремлением расширить круг лиц, размышляющих об «уроках СССР», причем размышляющих не на уровне праздного философствования, а с целью практического применения в текущей политике. Стремясь донести до читателей основные идеи работы Никанорова, мы не станем ограничиваться реферированием, поскольку, во-первых, ставим перед собой дополнительные задачи, а во-вторых, язык и методы работы этого автора нуждаются в определенной адаптации, популяризации.

■ СССР — это сложное социально-политическое явление, это почти вековой процесс, в который были вовлечены гигантские ресурсы. Процесс, принесший очевидные результаты, за которые человечеством — нашим народом прежде всего — заплачена огромная цена и которые не должны быть просто отброшены или почтительно вывешены в красный угол. Это явление —

как неотъемлемая часть непрерывной мировой истории — должно быть изучено и понято как объект исследования, а не только лишь как сердечная рана или гордость. Однако пока еще нет мультидисциплинарного всестороннего научного объективного исследования СССР как социально-политического феномена на определенном историческом отрезке существования России и мира. Имеются, как мы говорили, только разного рода оценочные суждения, более или менее подкрепленные фактологической аргументацией, стремящиеся «оправдать», «осудить» или «возвеличить» СССР.

Никаноров не ограничивается констатацией необходимости такого исследования, он заявляет, что «уроки СССР» — самостоятельная научная отрасль, которую надлежит сформировать. Говоря о своей работе, он подчеркивает не ее «междисциплинарный» характер, а взгляд на проблему с точки зрения концептуального анализа — научного метода, одним из авторов которого он является.

В «Уроках» рассмотрен очень широкий круг вопросов, высказано много нетривиальных идей, введено немало новых понятий, сформулированы выводы и задачи для будущих исследователей. Учитывая исключительную «плотность» мысли и текста Никанорова, необычность и сложность обсуждаемых проблем и подходов к их рассмотрению, представляется весьма затруднительным «выделить главное». Тем не менее я буду, сознавая меру неполноты и упрощения, пытаться сделать именно это, поскольку считаю работу Никанорова не просто заметной в ряду многих иных исследований «про СССР», а работой исключительной важности, не имеющей аналогов ни по постановке вопросов, ни по

Опыт строительства социализма в СССР не следует считать «ошибкой» — поскольку изначально никто не знал, что именно должно в конце концов получиться, «норматива» не существовало. А вот «неудачей» этот опыт назвать можно.

методологии подходов к их разрешению.

Мы здесь коснемся лишь нескольких идей и положений фундаментального, как нам кажется, характера, знакомство с которыми не только вызовет интерес к «Урокам» и стремление их вдумчиво прочитать, но и составит самостоятельную ценность как но-

вая точка отсчета, как оригинальный угол зрения на проблему «уроков истории» вообще, а не только СССР.

Отослать читателя к оригиналу — самое простое, но нерезультативное решение. Я вижу свою роль в попытке превращения непростого академического текста в факт публицистики, в точку роста об-

щественного дискурса об «уроках СССР». Дискурса, целью которого должны стать прорыв к глубокому пониманию произошедшего и происходящего, осознание почти всего, ранее высказанного «об СССР», как поверхностного пропагандистского потока слов — потока, имеющего целью либо очернение, либо апологетику как «теории социализма и коммунизма», так и практики построения социализма в СССР.

Всем, кто сегодня думает о будущем, кто размышляет о моделях развития — тем более в формулировке «альтернативные модели развития», — не сдвинуться с места и не породить что-либо продуктивное, не погрузившись в анализ «уроков СССР» — прежде всего в виде «нерешенных вопросов», сформулированных в работе Никанорова.

Ошибка и неудача

Обладая абсолютным интеллектуальным слухом, особой чуткостью к каждому вводимому в аналитический оборот слову или понятию, Никаноров уточняет смысл некоторых важных понятий, воспринимаемых без этих разъяснений как очевидные, знакомые на бытовом уровне. Во вводной части даны разъяснения применяемых понятий — таких, например, как «знание», «сознание», «ошибка», «неудача», «основатели СССР», «неизвестное», — и ряда других.

Так, например, отмечается, что значение слова «ошибка» понимают как несоответствие фактического результата некоторого действия ожидаемому результату. При этом причина, вызвавшая несоответствие, не рассматривается. Никаноров указывает, что действия, приводящие к этому несоответствию, могут быть разделены на две противоположные груп-

пы: к первой группе относятся действия, которые определены установленным, бесспорным нормативом (дважды два — четыре), а ко второй — те, для которых норматива не существует (иногда — и в принципе не может существовать). Отсюда следует правило: «ошибкой» следует называть только несоответствие фактического результата ожидаемому — результату, возникающего при наличии норматива на действие: «Действовал не по правилам». В случае, когда норматива на действие не имеется, несоответствие между фактическим и ожидаемым результатами следует называть «неудачей».

Для чего Никанорову нужно это разъяснение? Для того, чтобы опыт строительства социализма в СССР не называли «ошибкой» — поскольку изначально никто не знал, что именно должно в конце концов получиться, «норматива» не существовало. А вот «неудачей» этот опыт назвать можно. «Обвинение может быть предъявлено только лицу, совершившему ошибку, то есть отклонившемуся от нормы. А “неудачник” может сделать вторую попытку или может быть заменен на “удачника”», — пишет Никаноров.

Важной является и справедливая оценка Никаноровым заявлений о «крахе социализма» (добавим от себя: и коммунизма) как безосновательных, поскольку никто не знал в начале строительства социализма в СССР, не знает и сейчас — каким он, социализм, «должен быть», поскольку ни у кого нет и никогда не было точных описаний, детального проекта «в чертежах» того, что планировали построить. В связи с этим Никаноров ссылается на реплику Ленина, высказанную им в ходе обсуждения Программы партии на VII съезде РКП(б) в марте 1918 года. Приведем ее в более пол-

ном, чем у Никанорова, виде. Было предложено (Бухариным) дать в Программе развернутую характеристику социализма. На что Ленин высказал следующее:

«Я никак не могу согласиться с поправкой тов. Бухарина. Программа характеризует империализм и начавшуюся эру социальной революции. Что эра социальной революции началась, — это абсолютно точно установлено. Что же хочет тов. Бухарин? — Характеризовать социалистическое общество в развернутом виде, то есть коммунизм. Тут неточности у него. Мы сейчас стоим безусловно за государство, а сказать — дать характеристику социализма в развернутом виде, где не будет государства, — ничего тут не выдумаешь, кроме того, что тогда будет осуществлен принцип — от каждого по способностям, каждому по потребностям. Но до этого еще далеко, и сказать это — значит ничего не сказать, кроме того что сказать, что почва слаба под ногами. К этому придем в конце концов, если мы придем к социализму. <...> Дать характеристику социализма мы не можем; каков социализм будет, когда достигнет готовых форм, — мы этого не знаем, этого сказать не можем. <...> Нет еще для характеристики социализма материалов. Кирпичи еще не созданы, из которых социализм сложится. Дальше ничего мы сказать не можем, и надо быть как можно осторожнее и точнее».

То есть процесс строительства социализма осуществлялся методом проб, образ строящегося общества был очерчен лишь в некоторых своих чертах (отмена сословий, частной собственности на средства производства и т.п.), и в этих чертах он был реализован на практике. Вне понимания и, соответственно, целепола-

гания оставалось еще очень многое. И это важно не забывать, чтобы никогда более не говорить об «ошибке». Следует также понимать, что этим же методом — придумыванием нового, а не копированием каких-либо образцов — были созданы многие системы — в финансах, в экономике, в государственном управлении, в планировании, в образовании, в энергетике, в науке и др., обеспечившие СССР небывалые возможности. Именно эти системы, взаимодействовавшие как целое, стали той силой, с помощью которой СССР решал свои исторические задачи. У этой «системы систем» есть, как минимум, то достоинство, которое уже нельзя ни отринуть, ни даже принизить: это первая в истории человечества попытка целенаправленного проектирования и создания хозяйственного механизма грандиозного масштаба, охватывающего всю страну и все ее стороны жизни. Сам по себе этот факт имеет непреходящее значение и для науки, и для практической жизни людей.

Что такое «уроки истории»?

Никаноров подчеркивает важный аспект, отличающий просто информацию о неких исторических результатах тех или иных событий от «уроков»: «Уроки — это знания, необходимые лицу, создающему будущее». Перечисляя в связи с этим все основные действия и события, произошедшие в истории СССР и изложенные в курсах истории, Никаноров говорит, что они не могут являться «уроками СССР», поскольку не определяют, что нужно сделать, чтобы следующие опыты построения новых обществ стали удачными. При подведении итогов опыта СССР теми, кто в этих итогах заинтересован, необходимо вначале по-

Владимир Ленин, Николай Бухарин и Григорий Зиновьев на II конгрессе Коминтерна. Июль-август 1920 года

Ленин:

«Что же хочет тов. Бухарин? — Характеризовать социалистическое общество в развернутом виде, то есть коммунизм. Тут неточности у него. Мы сейчас стоим безусловно за государство, а сказать — дать характеристику социализма в развернутом виде, где не будет государства, — ничего тут не выдумает, кроме того, что тогда будет осуществлен принцип — от каждого по способностям, каждому по потребностям».

нять, что такое эти «итоги». Очевидно, что, кроме любознательности, у этих интересующихся может быть что-то серьезное, а может быть, и жизненно необходимое. В этом случае «итоги опыта СССР» должны быть тщательнейшим образом определены, потому что они служат основанием для действий.

Приведем еще одну весьма важную и нетривиальную мысль Никанорова: «<...> понятно, что если бы основатели и руководители СССР каждый раз знали, что нужно и можно им сделать, то у проводимого ими опыта заведомо была бы удача. Таким образом, проблема уроков СССР именно и состоит в определении того, чего основатели и руководители СССР *не знали*. От-

крытие этого им неизвестно и определяет содержание уроков СССР».

История и ее движущие силы

Работа Никанорова ставит одной из своих целей выявление источников движения истории и отыскание практически полезных результатов, которые могут быть использованы в строительстве будущего. При этом Никаноров отмечает низкую практическую ценность взглядов на ход истории, развившихся в философии, рассматривающей движение истории как процесс, подчиненный неким «историческим законам» (от простого к сложному, по спирали и т.п.), и в исторической науке, указывающей на роль ле-

гендарных личностей, народных восстаний, научно-технических открытий и т.п. В своих «Уроках» Никаноров делает попытку найти факторы исторического развития, обладающие прикладной ценностью, а опыт СССР рассматривает как источник понимания движения истории. Фундаментальным положением автора «Уроков» является мысль о субъектности исторического процесса: «<...> история производится, можно положить, что субъектом является общественное сознание. Если эта идея принимается, то историю СССР можно рассматривать как сознательно поставленный эксперимент гигантского масштаба и сложности». И еще: «Природа субъективна, иными словами, у нее есть свой разум, свои цели и свои методы их достижения и свой язык для разговора с людьми. Автор является атеистом, хотя с уважением относится и к религиям, и к верующим. Его точка зрения является естественнонаучной». То, что «история производится», не вызывает возражений, а вот кто или что является субъектом этого — неочевидно, и на сей счет имеются разные точки зрения. Марксизм — по крайней мере, в своей наиболее распространенной у нас в стране форме «исторического материализма» — в качестве субъекта видит «классы», двигателем которых является их «борьба». Религиозные и квазирелигиозные точки зрения субъектом происходящего считают Бога, природу или некий мировой разум. Есть модели, в которых двигателями истории считаются герои или гении, совершающие открытия; некоторые полагают, что всем движут доминантные инстинкты, потребности и т.д.

Никаноров, выводя себя за рамки религиозного взгляда на мир, наделяет функциями

субъектности «общественное сознание». Принимая этот подход как рабочую гипотезу, мы не можем оставить ее без комментариев.

Природа существовала и развивалась до появления человека и общества, то есть «по Никанорову» — до появления общественного сознания, а стало быть, до обретения природой субъектности. Ежели так, то в силу каких причин она все-таки развивалась и «доразвивалась-таки» до появления человека и общества со своим сознанием? «Креационисты» имеют на сей счет свой ответ, «естественнонаучники» — тоже. Первые, однако, наделяют субъектностью не природу, а Бога или мировой разум, вторые не наделяют свойством субъектности никого, кроме человека. Никаноров ближе к последним, складывая понятие «общественное сознание» и представляя его, видимо, как некий этап формирования сложной системы, состоящей из людей, обладающих индивидуальным сознанием. Никаноров не забывает о необходимости уточнить свое понимание «сознания»: «<...> под “сознанием” здесь понимается способность мышления человека делать предметом рассмотрения накопленные и используемые им знания о чем-либо». И указывает на отличие толкования этого понятия в иных источниках, в которых под «сознанием» понимается человеческая способность идеального воспроизведения действительности в мышлении. Важным понятием в системе взглядов Никанорова является «подъем сознания». Вот что он об этом пишет: «“Сознание” называют знанием о знании. Сознание может иметь различную структуру. Основным элементом сложной структуры сознания являются уровни сознания, называемые “рефлексией”: первый — знание о знании (сознание), вто-

рой — знание о сознании, третий — знание о сознании о сознании. <...> Переход с одного (низкого) уровня сознания на другой (высокий) называется “подъемом сознания”. Заметим, что под “сознанием” здесь понимается только продуктивная рефлексия. Непродуктивная рефлексия может называться “размышление”, “мечта”».

Мы ниже еще вернемся к проблеме «подъема сознания», но несколько комментариев сделаем сейчас. Общественное сознание — на каком-то этапе или уровне своего «подъема» — должно осознать себя таковым, обрести органы «речи» и управления, социальные институты, через которые осуществляются то стратегическое планирование и та деятельность, которые воспринимают как «исторический процесс». Важно при этом не упустить из вида неоднородность и общества, и его «общественного сознания». Трудно привести пример существования общества, общественное сознание которого обрело форму, отражающую его идеалы, цели и ценности в непротиворечивом виде. В наблюдаемой действительности субъектами исторического процесса являются различные социальные группы, институты, личности, связанные с неоднородным общественным сознанием сложным, часто спекулятивным образом. Не будем, однако, приписывать автору того, чего он не говорил: Никаноров не утверждает, что в своем анализе рассматривает идеальное соотношение между общественным сознанием и институтами, осуществившими рассматриваемые преобразования. Он отмечает лишь то, что такой подход позволяет считать явления возникновения и угасания СССР — «опытом», то есть осознанными действиями с определенной целью, но зара-

нее не известным результатом. И при этом указывает на необходимость определить, «кто и зачем поставил этот опыт, что экспериментаторы хотели получить, почему и как в условиях противодействия, невероятной сложности и противоречивости задача создания принципиально нового общества была ими решена». Этот кажущийся очевидным термин — «опыт» — и его обоснование важны, поскольку позволяют встать на беспристрастную исследовательскую позицию и не считать окончание опыта «крахом» или наоборот «избавлением от», а подведение итогов «опыта СССР» и сами итоги воспринимать «уроками», то есть «знаниями, необходимыми лицу, создающему будущее». Мне не близко предположение о наличии у «истории» собственной цели, направленной куда-то в отдаленную «конечность» или в неведомую бесконечность. Такой подход — попытка закрыть проблему, а не

Марксизм — по крайней мере, в своей наиболее распространенной у нас в стране форме «исторического материализма» — в качестве субъекта истории видит «классы», двигателем которых является их «борьба».

исследовать ее. Это подход религиозно-мифологический, а не исследовательский. Оставаясь методологически строгим исследователем, следует не приписывать неведомые цели неведомо кому, а постулировать отсутствие целей — и придерживаться этого вплоть до того момента, когда иное не будет выявлено и верифицировано. Иной путь — в мифотворчество и «трансперсональную психологию», где можно приступить к анализу самого себя и своих ощущений.

Что касается попытки исследования социальных явлений и «целей истории», я бы вновь обратился к однажды мною сформулированной мысли о применении адиабатического приближения к анализу социальных явлений. Суть адиабатического приближения —

метода, развившегося в теоретической физике, — в выделении и последующем раздельном рассмотрении двух подсистем явлений и процессов, протекающих в единой общей большой системе: один процесс течет медленно, изменения становятся заметными спустя длительные промежутки времени, другой процесс протекает быстро. Если быстрые изменения рассматривать как протекающие на фоне почти неизменных, медленно меняющихся параметров, удастся выстроить модели, позволяющие выявить важные свойства системы в целом. Возвращаясь к «целям истории», к явлениям социальным, можно утверждать, что есть медленные социальные (исторические) процессы, длящиеся дольше жизни многих

поколений и даже дольше документированной истории рассматриваемого периода. И поэтому мы не можем увидеть, осознать, зафиксировать и сформулировать те причинно-следственные связи, которые эти процессы вызывают и поддерживают. Вот и строим на сей счет догадки, выдавая их за утверждения. Иные процессы — возникающие и длящиеся на более коротких отрезках (столетия, тысячелетия) — мы описываем, обдумываем и строим обоснованные предположения (типа марксизма). На этих отрезках мы можем приписать субъектность и «истории», и классам, и личностям, и партиям и пр. И даже предоставить нашим «теориям» экспериментальную доказательную базу. Но оснований для обобщения, для расширения этой эмпирики, этой феноменологии на сколь угодно протяженный промежуток времени вплоть до бесконечности — у нас не имеется.

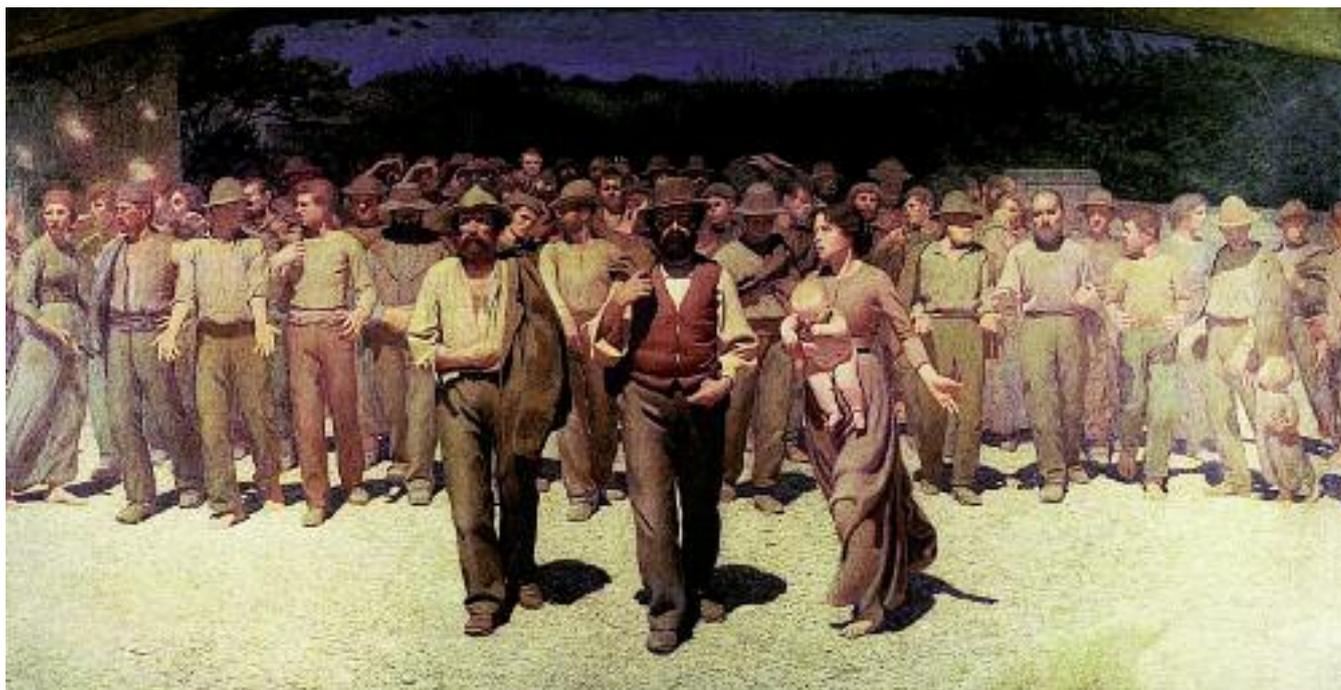
Так, например, выявление путей миграции первобытных людей, процесса их расселения по планете позволяет строить предположения о целях их деятельности и, как следствие, — о движущих силах истории в «доисторические» времена. И объяснение тут надо принять самое простое: стремление к выживанию, следование инстинктам и накапливающемуся опыту совместной деятельности — тоже направленной на выживание. Размышления о «смысле жизни» и «движущих силах истории» выделились в отдельное занятие далеко не сразу и не без причины. Рост численности людей, их взаимодействие внутри групп и племен, потом взаимодействие между племенами, борьба за ареалы обитания и обусловленный этим рост степени сложности решаемых задач — вот начало и модус становле-

ния проблематики «движущих сил истории» и «смысла жизни». Поиск механизмов управления растущими группами людей, всё более сложными социальными системами привел к становлению таких инструментов, как мифы и кодексы, как религии и предания, как история и идеология, как политика и социально-политические, социально-экономические теории и парадигмы.

Я также не могу не задавать себе вопрос: смысл истории — он есть? Никаноров «спрятался» за «общественное сознание» — что, конечно, может быть неплохой рабочей моделью, но он ничего не говорит о принципах целеполагания, которыми это самое «общественное сознание» руководствуется. Никаноров говорит про «подъем сознания» (и как цель, и как результат), не раскрывая его содержания, о чем мы далее еще скажем. Я же предлагаю прямо признать, что цель исторического процесса нам неизвестна. И тут же зафиксировать важную развилку: цель существует, но нам неизвестна или цель не существует в принципе. Это два разных мировоззрения, из которых проистекают полярные следствия. Если же оставить эту дилемму как существующую, но неразрешенную, то надо сказать: да, мы об этой дилемме знаем, ответа не имеем, но жить как-то надо, и поэтому мы ищем такую тактику, которая не противоречит никакому из возможных вариантов. Как это можно осуществить? Это можно сделать, если ограничить горизонт планирования тем, что вижу, а когда выйду на новый рубеж, установлю новый горизонт планирования. И не буду заморачиваться «вечным». Метод прогноза и коррекции. Тогда я выстраиваю тактику такого движения, которое не противоречит моему уровню

понимания смысла истории в данный момент, на данном отрезке. И всё. Пойму больше — скорректирую. Сие означает, что я опираюсь, скажем, на несколько тысячелетий исторического процесса и экстраполирую процесс дальнейшего движения на основании выявленных, познанных движущих сил, целей, и — этого еще никто не сделал — инвариантов истории. Как мне кажется, ими и являются этические принципы. Тогда анализ произошедшего в России-СССР как фрагмента движения истории к собственным целям на некотором отрезке и последующая экстраполяция на не слишком отдаленное будущее не становятся квазиэсхатологией, а напоминают более или менее честную эмпирику.

То есть у «истории» как процесса, протекающего «от самого начала до самого конца», нет изначальной отдаленной — и тем более конечной — цели, нет и «объективных» законов. Есть объективные факторы, но факторы — это не законы. Люди живут, размножаются, толпятся на планете, ведомые как «низшими» мотивациями (инстинкты-потребности), так и придуманными комплексами идей, смыслов и пр. Все они — инструменты, которыми пользуются те, кто к ним подобрался (жрецы, вожди, цари, политики, или, условно говоря, элиты). Субъектами истории, сменяя друг друга на отдельных отрезках, являются именно они. А их мотивации просты и могут быть разделены на два вида: эгоистические и альтруистические. Идеальными эти мотивации не бывают, в каждой присутствует доля антагониста. Но что-то на каждом этапе превалирует. Одни борются за «счастье народное», другие — за собственное. Но и те и другие в чем-то альтруисты, а в чем-то эгоисты. И каждый в оправдание — а оно нужно

Джузеппе Пеллицца да Вольпедо. Четвертое сословие

или из комплекса религиозных страхов, или из побуждений электорального порядка — приводит, опирается на этические системы, на кодексы о добре и зле.

Исторический процесс течет от борьбы за физическое/биологическое выживание и конфликтов за территории кормления/обитания — к тому же самому, только с грузом комплексов культуры в широком смысле, которые охраняются так же, как и ареал кормления/обитания. Источник пищи — неважно, материальной или духовной — продолжает играть роль и быть в ранге не менее чем источника пищи, то есть — жизни. Не каждый исторический эпизод — войны, революции и иные социальные движения — стоит считать «экспериментом». Такие эпизоды лучше называть попытками. Попытками обеспечить выживание и безопасность. Следует лишь учесть, что в комплексе желанных, охраняемых ценностей не только родник, пастбище и пещера, но и язык, на котором у костра в пещере рассказывают истории, и свод правил поведения, и сами истории, и представления о добре и зле...

Никаноров «спрятался» за «общественное сознание» — что, конечно, может быть неплохой рабочей моделью, но он ничего не говорит о принципах целеполагания, которыми это самое «общественное сознание» руководствуется.

Что касается попытки построения социализма в СССР, то она с самого начала обладала признаками проектности, хотя и далеко не полными. Однако достаточными, чтобы считать эту попытку экспериментом, «опытом». Опыт СССР отличается не столько охранительными побуждениями, сколько стремлением изменить, исправить несправедливость (то, что частью людей стало считаться несправедливостью, причем настолько значимой, что ради ее устранения было дозволено убивать других). А эти устремления оседывались конкретными людьми с самыми разными целями: от возвышенно-духовных до примитивно-мстительных и алчных.

Хотя и нет оснований приписать «истории» какую-либо отдаленную — тем более конечную — цель, люди — отдельные личности и так или иначе организованные группы — всегда нечто подобное придумывали.

Не касаясь здесь представлений о религиозной эсхатологии, оставаясь в рамках рассуждений о действиях и намерениях людей, а не божественных сил, отметим, что политические, идеологические конструкции, исходящие от той или иной социальной группы, всегда содержат некую конечную цель, выдаваемую тем или иным образом за общее благо. На самом же деле все они в своих существенных признаках сводятся к двум аспектам: «для себя» (мировое правительство, глобализация по-американски, фашизм и неофашизм) или «для всех» (социализм, мировая пролетарская революция, коммунизм и т.п.). Компромиссный вариант — «многополярный мир», то есть разбиение планеты на зоны, в каждой из которых осуществляется «свой проект», а между зонами устанавливаются правила взаимодействия. Пока потенциальным базисом устойчивости та-

кой (предполагаемой и, быть может, даже ожидаемой) системы является опора на страх взаимного уничтожения. Ничего более действенного и надежного человечество не придумало. И в связи с этим уместно обратиться к метафоре Никанорова о «подъеме сознания» и зафиксировать: не поднялось оно пока настолько высоко, чтобы взаимодействовать друг с другом на иных, нежели угроза и страх, основаниях. А почему? А потому что вся мировая культура воспитывает в людях только этот базис. Все религии и идеологии именно в такой парадигме обрабатывают и формируют сознание.

Подъем сознания

Словосочетание «подъем сознания» является одним из ключевых, но недостаточно, на наш взгляд, раскрытых в рамках работы Никанорова понятий. Можно, конечно, положиться на интуитивное «понимание» этих слов как образа, как метафоры, воспринимая изменения сознания — неясно, в каких величинах оцениваемые, — как «подъемы» и «спуски». И постараться это состояние непонимания — но хотя бы некоего осознания — воспринять как приемлемо комфортное. Если получается — этого достаточно для дальнейшего восприятия. Если нет, если хочется дойти до самой сути, то придется выйти далеко за пределы выстроенной конструкции.

Почти безбрежное море спекулятивной литературы, посвященной теме «сознания», затрудняет формирование простой и ясной картины, которая должна возникать как отклик на словосочетание «подъем сознания».

Многочисленные «эзотерические» школы приписывают сознанию разные «уровни», призывая двигаться, расти,

осваивая их в определенной последовательности... Путаницу вносит не всегда четко проводимое разделение личного и общественного сознания, неточны и описания того, что есть общественное сознание, как его измерять.

Развитие сознания, эволюция сознания — это древнейшие из вопросов, волновавших всех философов во все времена. И сегодня они остаются на переднем крае междисциплинарного анализа. Поскольку Никаноров называет в данном контексте имена Шри Аурбиндо и Кена Уилбера, упомянем их и мы. И даже приведем цитату из книги Кена Уилбера «Интегральное сознание», приоткрывающую хотя бы направление мысли о сознании и его структуре:

«Психология представляет собой изучение человеческого сознания и его проявлений в поведении человека. К функциям сознания относятся восприятие, желание, волеизъявление и действие. Структуры сознания, некоторые аспекты которых могут быть бессознательными, включают в себя тело, ум, душу и дух. В число состояний сознания входят нормальные состояния (например, бодрствование, сон со сновидениями, глубокий сон без сновидений) и измененные (например, неординарные состояния, медитативные состояния). <...> Развитие сознания охватывает весь спектр от доличностного к личностному и надличностному, от подсознательного к самосознанию и сверхсознательному, от Оно к Эго и Духу. Соотносительные и поведенческие аспекты сознания относятся к его взаимодействию с объективным внешним миром и с социокультурным миром общих ценностей и восприятий».

Приведенная цитата мало что объясняет, она лишь иллюстрирует возможность некой

систематизации разговоров о структуре сознания и его изменениях. И если рассуждения о росте, развитии сознания индивида и прочем, что допустимо отнести к метафоре «подъема», можно считать интуитивно понятными, то когда речь заходит об общественном сознании, система координат — «верха» и «низа» — размывается.

И это — принципиально. Множество разного рода «учений» для искателей «просветления», «путей к себе» и прочих «духовных практик» хороши или плохи только с точки зрения личного опыта. Претендуя на исследование и тем более управление социумом, большими системами, следует тщательно проанализировать и осознать, в чем состоит и чем измеряется процесс «подъема сознания» целого народа. Не найдя удовлетворительного раскрытия этого понятия в обсуждаемой работе Никанорова, мы не обескуражены. Потому что располагаем собственной точкой зрения на проблему, высказанной в ряде статей, посвященных роли этики в жизни социума, в которых рассматриваются такие понятия, как ценностная матрица и этическая система, формирующие базис общества. Опираясь на эти представления, мы сформулировали свое понимание сути развития общества — как восхождения к этическому идеалу взаимоотношений между людьми. Развитие — это движение от общества вражды и модели «хищник—жертва», общества, в котором «человек человеку волк», к обществу, в котором «человек человеку друг, товарищ и брат», где свободное развитие всех есть условие и цель свободного развития каждого. Вы где-то последние слова уже слышали? — да-да, вы не ошиблись... Приостанавливая рассуждения о «подъеме сознания»,

Игры с быком. Роспись дворца в Кноссе. Середина II тысячелетия до н.э.

подбросим еще одну метафору — о восхождении по ступеням абстракции: от конкретного — к абстрактному, от абстрактного — к еще более абстрактному и так далее, полагая, что и этот аспект имеет отношение к оставшемуся неопределенным концепту «подъем сознания». В дальнейшем мы будем относиться к «подъему сознания» как к интуитивно понятной метафоре, не усложняя рассуждения указаниями на отсутствие его концептуализации.

Форма общества и формообразование

В обществоведческом и бытовом обиходе используется много подходов для описания разных способов государственного и общественного устройства. В историческом материализме их определяют как «общественно-экономические формации»: первобытнообщинная, рабовладельческая, феодальная, капиталистическая, социалистическая (коммунистическая). Формации считаются стадиями общественной эволюции и характеризуются определенной степенью развития производительных сил общества, соответствующим этой ступени историческим типом экономических производственных отношений, которые зависят

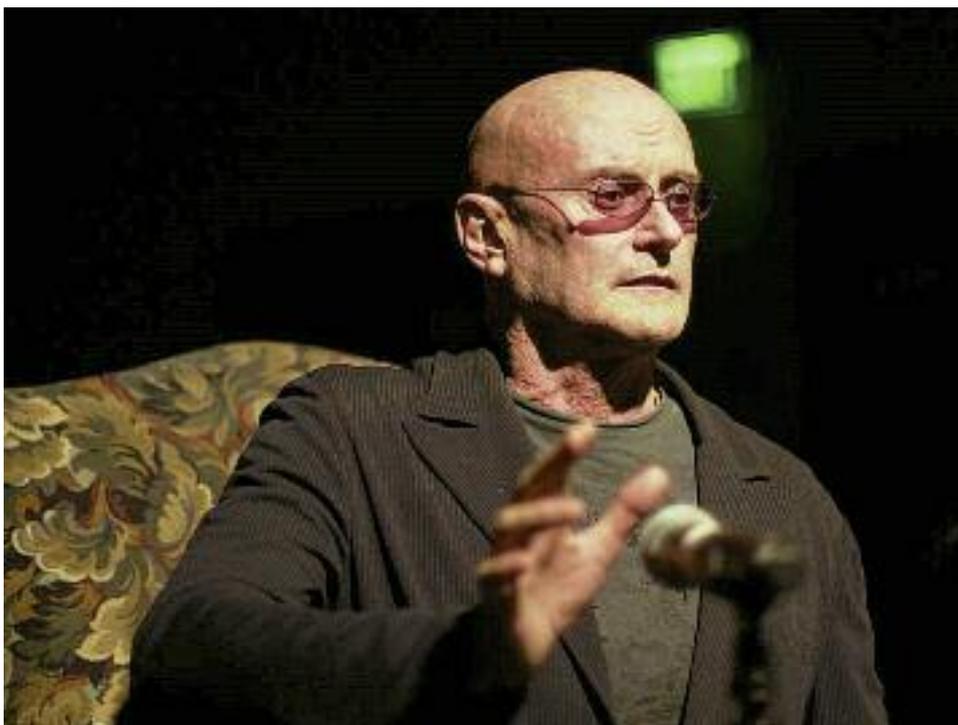
Есть объективные факторы, но факторы — это не законы. Люди живут, ведомые как «низшими» мотивациями, так и придуманными комплексами идей и смыслов. Все они — инструменты, которыми пользуются те, кто к ним подобрался (жрецы, вожди, цари, политики, или, условно говоря, элиты). Субъектами истории, сменяя друг друга на отдельных отрезках, являются именно они.

от нее и определяются ею. Другим влиятельным — наряду с формационным — подходом является цивилизационный, основанный на выявлении схожих черт политической, духовной, культурной, географической среды и исторических особенностей. Существуют и иные подходы к периодизации изменений, происходящих в общественном устройстве на протяжении истории.

Никаноров предлагает достаточно общее понятие «форма общества», предварительно уточняя содержание понятия «общество»: «Назовем “обществом” совокупность индивидов, между которыми имеется множество связей, или, более общо, — отношений. Совокупность принципов, определяющих, между какими индивидами общества какие отношения существуют, называется “формой общества”, или “общественной формой”. Изменение состава индивидов может не влиять на форму общества. Функцио-

нирование общества, определяемое его ценностями, обычно сопровождается изменением его формы. Процесс изменения формы общества называется формообразованием общества. Формообразование общества может иметь стихийный характер (складывание), но может иметь планомерный характер. Возможны также различные сочетания стихийного и планомерного формообразований. Могут существовать общества, различные части которых имеют различные формы, а форма общества как целого остается неопределенной либо меняющейся от случая к случаю».

Анализируя переход от одной формы общества («капитализм») к другой («социализм») в ходе революции 1917-го и последующих годов, автор «Уроков» указывает на принципиально важный недостаток теории, которой руководствовались (и продолжают руководствоваться) социальные реформаторы. При этом Никаноров достигает предель-

Кен Уилбер (на фото):

«Развитие сознания охватывает весь спектр от доличностного к личностному и надличностному, от подсознательного к самосознанию и сверхсознательному, от Оно к Эго и Духу. Соотносительные и поведенческие аспекты сознания относятся к его взаимодействию с объективным внешним миром и с социокультурным миром общих ценностей и восприятий».

ной глубины, употребляя в своем анализе такую базовую категорию диалектики, как «снятие», отмечая, что неразработанность этой категории применительно к переходу от капитализма к социализму в 1917 году, а также при переходе от социализма к капитализму в наше время привела ни много ни мало к колоссальным жертвам, революции, Гражданской войне, трагедии развала СССР, текущей деградации экономики и остальных аспектов жизни общества.

Никаноров считает, что социализм должен «вырасти» из капитализма, вобрав в себя и сохранив всё самое лучшее: «<...> в принципе, социализм — снятие капитализма, а не его уничтожение». В реальности всё произошло иначе. В течение двух лет — с 1918-го до 1920-го —

был пройден путь от установления рабочего контроля через экспроприацию частной собственности к «экспроприации экспроприаторов», то есть ликвидации собственников. Такое социальное преобразование далеко от «снятия» капитализма путем перерастания в социализм. Капитализм рассматривался как социальное зло, подлежащее уничтожению. Никаноров указывает на эту проблему как «исторически нерешенную»: «<...> теоретических исследований взаимоотношений эволюционной и революционной формы исторического развития общества не имелось в распоряжении основателей СССР». Объяснить такое жестокое поведение революционеров можно как отсутствием надлежащей теории, так и знанием зловещего опыта Парижской ком-

муны: сопротивление будет кровавым — «или мы их, или они нас»!

Говоря о возможной благотворности так и не состоявшегося перехода от капитализма к социализму путем «снятия», Никаноров отмечает следующие черты капитализма: «Термин “капитализм” по своему смыслу (“обращение капитала”) совершенно не характеризует общество, которому он сопоставляется, ничего не говорит об “эксплуатации пролетариата”. Главная черта этого общества — индустриализация, продуктом которой является невиданная в истории промышленная цивилизация, преобразившая человечество. Что, большевики против индустриализации? Вместо названия “капитализм” это общество следовало бы называть “индустриализм”. Формационное название заменить цивилизационным».

Никаноров напоминает, что «капиталист не только человек, “обращающий капитал”, он также нередко — “предприниматель”, то есть человек, живущий своей инициативой. Оборот капитала дает ему средства, на которые он создает нужное населению и обществу производство. Как социальная форма он не хуже и не лучше других социальных форм. Все формы специфичны, но все имеют исторически определенные достоинства и недостатки. Характерные для капитализма экономические кризисы являются его органическим недостатком. Капитализм проектирует и строит одну сторону общества, а не общество в целом. А строго централизованная плановая система социализма (пока что) лишает широкий круг профессионалов возможности осуществить свою инициативу. Практика многих стран уже широко использует различные формы “социалистического капитализма”».

Но при этом Никаноров напоминает, что «капитализм является закономерным развитием человечества; он преодолел господство феодализма, создал быстро развивающееся, во многом весьма эффективное общество, главное достижение которого — создание индустриальной цивилизации, опирающейся на быстрое развитие науки и техники». «Защищая» капитализм, Никаноров обращает внимание на то, что «квалификация капитализма как господства частной собственности и безжалостной эксплуатации пролетариата является верной, но односторонней». Нашлись у Никанорова добрые слова и про либерализм, которому удалось преодолеть некоторые отрицательные стороны капитализма.

Так что «любые социальные формы являются носителями положительных начал», однако Никаноров с горечью констатирует, что «пока наука не только не разработала методы систематического исследования социальных форм, но даже не понимает необходимости такого исследования». Подчеркнем еще раз, что неразработанность теории перехода от одной социальной формы к другой привела не только к трагедии революционного строительства социализма при полном уничтожении капитализма в 1917 году, но и к трагедии обратного перехода от социализма к капитализму, осуществленного в России в 90-е годы со столь же чудовищно безумным уничтожением социализма — из которого новая форма могла бы и должна была бы вырасти, обеспечив благодатное развитие страны и общества. Переход тем не менее уже совершен на практике. Поэтому, казалось бы, поздно теоретизировать. Возможно, для тех, кто не заботится о развитии государства и общества, кто

Развитие — это движение от общества вражды и модели «хищник—жертва», общества, в котором «человек человеку волк», к обществу, в котором «человек человеку друг, товарищ и брат», где свободное развитие всех есть условие и цель свободного развития каждого.

создает и использует момент перехода для грабежа, это и не нужно. Тем же, кто обеспокоен судьбой страны, кто намеревается ее развивать, созидать будущее, конечно, важно пони-

мать — что же произошло в действительности, каковы причины произошедшего и какие уроки из истории можно извлечь сегодня ради лучшего завтра.

Никаноров считает, что социализм должен «вырасти» из капитализма, вобрав в себя и сохранив всё самое лучшее: «<...> в принципе, социализм – снятие капитализма, а не его уничтожение». В реальности всё произошло иначе.

Исторически нерешенные проблемы

Формулируя предмет своей работы, Никаноров вводит важнейшее понятие – «исторически нерешенные проблемы». Так он обозначает некие неочевидные специфические факторы, влияющие на ход исторических процессов в каждом рассматриваемом периоде, формулируя их в конце каждой главы. Выявление исторически нерешенных проблем и составляет предмет работы.

Представление о существовании «исторически нерешенных проблем» – одно из важнейших в системе взглядов Никанорова. Мы уже сказали, что он наделяет историю свойством субъектности, основанием которого является постановка историей целей и проблем, подлежащих разрешению. Можно ли принимать всерьез всю его аналитику, не принимая этого тезиса? То есть не считая, что у «истории» имеются собственные цели и

задачи, что всё происходящее в мире есть либо *среда*, либо *исполнители*, которым предназначено решать задачи, заданные «историей»? Поскольку этот вопрос был для меня одним из препятствий в восприятии подхода Никанорова, я не мог не найти какого-то его разрешения, хотя бы и компромиссного. Сперва я отделил подход Никанорова от более распространенного взгляда на историю как на «промысел Божий». Несмотря на кажущееся почти полное совпадение, Никаноров не выводит субъект истории куда-то вовне, не прибегает к конструкции «Творец – и созданный, управляемый им мир». В его системе взглядов субъектом является «общественное сознание»: оно творит историю, оно ставит цели и решает задачи. От прямого проектирования и планирования эта картина отличается не то чтобы лишь невербализованностью целей и задач, но я бы сказал – отсутствием их осознания. То есть обществен-

ное сознание варит в своем неопределенном пространстве на неясном языке чувств и образов некую субстанцию, из которой вылупляются понятия, идеи и цели, пригодные для формулирования и трансляции друг другу.

Придумав такое разъяснение, я смог хотя бы «в рабочем порядке» пользоваться никаноровским конструктом «исторически нерешенные проблемы». А конструкт этот принципиально важен. Если таковые проблемы есть и они поставлены «самой историей», то решать их придется – хочешь или не хочешь, можешь или не можешь. То есть во всем этом есть некая если не фатальная предопределенность, то все-таки детерминированность хода истории – пусть и нелинейная, пусть и на отдельных временных отрезках, пусть и с разрывами и всякий раз заново устанавливаемыми начальными и граничными условиями.

Обратимся снова к тому, что пишет Никаноров: «Исторически нерешенные проблемы существуют в истории всегда, но не сознаются как значимые. Если их сознают, то о них говорят не как о проблемах, подлежащих решению, а как о реальности, которая “такова”, изменить которую нельзя. Очевидно, что исторически нерешенные проблемы могут сохраняться независимо от смены эпох, но в некоторых консервативных эпохах могут не проявляться как значимые, а в крутых исторических поворотах становятся ключевыми, как это и имеет место сейчас».

Роль «исторически нерешенных проблем» такова, что именно они и «ограничили возможности построения социализма; они определили характер возникновения СССР, его прогрессивного развития, деградации и ликвидации». В своей работе Никаноров фор-

Генеральный секретарь ЦК КПСС, председатель Верховного Совета СССР Михаил Горбачев (в центре) и члены Политбюро ЦК КПСС, секретари ЦК КПСС Александр Яковлев (слева) и Вадим Медведев (справа) в Кремлевском дворце съездов

мулирует ряд «исторически нерешенных проблем» и подчеркивает, что именно эти формулировки составляют главную ценность работы: «Продуктом работы являются вскрытые на примере истории СССР исторически нерешенные проблемы. Для десяти выделенных для исследования этапов развития СССР определены 35 исторически нерешенных проблем, оказавших существенное влияние на ход его развития. Кроме того, предложены для дальнейшего исследования еще 23 исторически нерешенные проблемы. Эти 58 описаний исторически нерешенных проблем могут рассматриваться как исходные идеи заданий на исследования». Эта цитата призвана направить читателя к первоисточнику.

Подчеркнем еще раз, что настоящая статья не является рефератом работы Никанорова «Уроки СССР» — хотя бы в силу своей существенной неполноты. В работе Никанорова шаг за шагом рассмотрены и поэтапно проанализированы история СССР, все ее ключевые моменты — политические, идеологические, экономические, военные. Выявляя и формулируя «исторически нерешенные проблемы», Никаноров затрагивает, наряду с ожидаемыми вопросами, немало совсем неожиданных. Например, в качестве важнейшей проблемы он указывает на неизученность природы гениальности в политике и роли гениев в истории: не «личностей в истории», как это делается многими, а именно гениев. Или, например, несмотря на грандиозный объем литературы по истории Второй мировой войны, Никаноров указывает на то, что «исторически не решены проблемы, определившие претензии Германии в 20–40-х годах XX века на мировое господство», и обосновывает это

«Перестройщики» не знали, к чему приведут их действия. Стало быть, то, что произошло — гибель социализма в СССР и гибель СССР, — есть открытие «неизвестного», а это и означает вскрытие «исторически нерешенной проблемы» перехода от одного состояния и вида социализма к другому, улучшенному.

утверждение. Да и сам ход войны, мотивации Гитлера и Сталина Никаноров трактует весьма нестандартным образом. Навскидку упомянем некоторые из сформулированных в работе «исторически нерешенных проблем», чтобы хоть чуть-чуть отразить широту проблемного поля:

- ♦ не разработаны формы, методы и условия преодоления или сохранения индивидуальных особенностей исторически сложившихся обществ;
- ♦ отсутствует теория развития человеческих обществ;
- ♦ проблема необратимости индивидуального и общественного сознания всё еще остается не поставленной и не привлекающей внимания исследователей;
- ♦ необходимо открыть, утвердить и развить культуру Неизвестного.

В этой большой по объему — более 13 печатных листов —

работе затронут очень широкий круг вопросов и тем, оставшихся не упомянутыми в нашей статье в надежде, что сказанное нами послужит толчком к внимательному изучению первоисточника — работы Никанорова «Уроки СССР».

Отталкиваясь от идей и методов, высказанных в «Уроках», попытаемся взглянуть на текущие актуальные проблемы.

Перестройка и постперестройка

Поставим вопрос: какие «исторически нерешенные проблемы» решались в ходе перестройки и в последующий период?

Предположим, что намерения «перестройщиков» были благими: они запустили некоторые общественные процессы, стремясь «улучшить социализм». В результате, однако, запустились процессы, «убив-

Бытовой «вещизм» перерос в консюмеризм на уровне политических целей КПСС («всё большее удовлетворение материальных потребностей»). При этом идеологи КПСС не увидели в этом смертельной опасности для самой идеи социализма-коммунизма и его развития (а как оказалось – для его существования в России). Отказ от духовного в пользу материального дефакто произошел на уровне менталитета народа, хотя в программных документах было написано иное.

шие» социализм. То есть «перестройщики» не знали, к чему приведут их действия. Стало быть, то, что произошло – гибель социализма в СССР и гибель СССР, – есть открытие «неизвестного», а это и означает вскрытие «исторически нерешенной проблемы» перехода от одного состояния и вида социализма к другому, улучшенному.

Публичной целью перестройки было «улучшение социализма», и в период манифестирования этой программы были озвучены соответствующие задачи. Вот некоторые из них.

«Больше демократии» – потому что советское народовластие действительно не было эффективным. А для успешного развития социализма оно должно быть самым эффективным в мире.

«Больше гласности и свобод» – это действительно важные

элементы здорового общества, а информационный контроль и придавленность «свобод» реально ощущались, что заметно тормозило развитие социализма.

«Увеличение производительности труда» – несомненно, ее надо было повысить, изменив и элементы управления, и техническое/технологическое оснащение, да и отношение к труду было ослаблено расслабленностью и безответственностью.

«Совершенствование планирования экономики» – проблема детального планирования в сверхсложной системе народного хозяйства стала неразрешимой, надо было искать пути к изменению ее самой и методов планирования, расширять сегменты свободного рынка.

Обо всём этом руководители СССР не только говорили, но

и пытались изменить. Важнее, однако, понять – что осталось ими не замеченным. В разряд «исторически нерешенных проблем» перешли не только лишь озвученные, но так и нерешенные, но и те, которые остались вовсе не осознанными. Среди них, в частности, следующие проблемы.

Не было признано отставание теории социализма и коммунизма от практики. Не было осознанно то, о чем в «Уроках» Никаноров написал так: «Абстракция “социализм”, используемая СССР в политработе, имеет мало общего с реально достигнутыми в СССР конкретными формами социализма, которые не были определены как таковые и не имели названий. В этом смысле концепция коммунизма, утверждающая материальное благополучие, духовность и свободу, при ее реализации может приобрести форму рафинированного бытовизма. Дифференциация плохо понимаемого будущего на конкретные, доступные шаги не подготовлена. Драгоценные находки Советского Союза пока не находят действенного обобщения».

Не была осознана необходимость идеологического разнообразия, теоретических дискуссий по проблемам социального развития, развития марксизма, научного коммунизма, исторического материализма, политической экономики на протяжении всего периода строительства социализма и коммунизма. Вся эта динамично изменяющаяся в реальной жизни область проблем была догматизирована, превращена в подобие «устава». Из-за догматизации идеологии, остановки ее внутреннего теоретического развития остались непонятыми порочность сползания к вульгарному материализму, «остывание» общественного сознания, утратившего стремление к строительству собственного будущего. А когда вопрос о необходимости выхода из идеологического застоя стал очевиден, вместо движения вперед и вглубь была принята административно закрепленная на уровне Конституции директива об отказе от господствующей идеологии и политической власти КПСС, приведшая к замораживанию политической интеллектуальной деятельности по развитию идеологий.

То, как осуществлялся переход от социализма к капитализму в России, нельзя ни забыть, ни принять. Это бездумное и безжалостное, насильственное воздействие на сознание, на память, на поведенческие стереотипы, на нормы морали, на весь этический базис, на цели и смыслы жизни.

Бытовой «вещизм» перерос в консюмеризм на уровне политических целей КПСС («всё большее удовлетворение материальных потребностей»). При этом идеологи КПСС не увидели в этом смертельной опасности для самой идеи социализма-коммунизма и его развития (а как оказалось — для его существования в России). Отказ от духовного в пользу материального де-факто произошел на уровне менталитета народа, хотя в программных документах было написано иное.

Постперестройка и все последующие годы вплоть до наших дней — содержательно иной период. Причем это и по сути, и по форме совершенно новая историческая эпоха, а не просто корректировка «перестроечного» вектора, и она ни в малейшей мере не является «продолжением реформ». Была поставлена иная историческая задача: не улучшать социализм, а уничтожить его. Не реформировать, не пойти

по пути конвергенции, а именно уничтожить социализм и в России, и вокруг нее.

Попытаемся взглянуть на происходящее с точки зрения «конструкции Никанорова», попробуем понять — какую «историческую задачу» история поставила и решала переводом России в современное русло? Что история хотела нам сказать, какие возможности для «подъема сознания» нам предоставлены?

К таким возможностям я бы отнес то, что стали намного более глубоко понятны ошибки в строительстве социализма как на уровне теории, так и на уровне практики. Существенный вклад в понимание вносит и работа Никанорова «Уроки СССР». Но понимание это нужно для тех, кто хочет все-таки продолжать строить социализм, освобождая его от заблуждений, проблем и недостатков. А что же «надо истории», если оставаться в рамках конструкта Никанорова? Ей нужен социализм или капита-

Именно Россия как обладающая (пусть еще и не осознанным) «опытом СССР» и Китай, продолжающий двигаться по своему участку исторического пути, могут преподнести миру необходимое разнообразие действительно альтернативных социальных форм, каждая из которых отразит свое оригинальное понимание развития.

лизм? Или чуть уже: социалистическая Россия или капиталистическая Россия? На второй вопрос ответить проще: в развитие капитализма как явления Россия, по-видимому, не сможет привнести ничего нового. А вот в развитие социализма — вносила и может вносить. Так что если истории нужно и то и другое, то роль России — строить социализм-коммунизм.

Если эту историческую миссию принять, не оправдывая, а объясняя произошедшее, то, быть может, России пришлось уничтожить своими руками созданный социализм, опуститься в пучину и мерзости капитализма, чтобы «сиять заново» идею социализма? Осознать совершенные ошибки, прочувствовать «прелести» пути иного и вернуться на столбовую дорогу развития, зная и умея — как не допустить новых ошибок?

Теория перехода от социализма к капитализму отсутствует —

даже на уровне постановки вопроса. На уровне ощущения целесообразности этого перехода действуют лишь подражательные инстинкты — про то, «как хорошо за границей», про количество сортов пива, про товарное изобилие и т.д. Обоснования «преимущества» индивидуализма и капитализма, построенного на его основе, находятся на неубедительном с научной точки зрения уровне, хотя они немало преуспели на уровне пропаганды и популистских лозунгов.

Кроме того, то, как осуществлялся сам этот переход в России, мы не можем ни забыть, ни принять. Это бездумное и безжалостное, насильственное воздействие на сознание, на память, на поведенческие стереотипы, на нормы морали, на весь этический базис, на цели и смыслы жизни. Так не поступали ни с одним народом мира даже колонизаторы, а здесь одна часть народа подвергла насильственной транс-

формации другую свою часть. И в этом тоже можно и должно усмотреть и исторический урок, и «исторически нерешенную проблему»: осознание глубинной пропасти, раскола, существующего в народе. Осталось понять: сможет ли с расколом такой глубины и по таким основаниям (онтологического характера) народ объединиться для решения исторических проблем?

«Горбачевскому» этапу можно приписать «благие намерения» по улучшению социализма, а в отношении «ельцинского» периода благой целью объявлено создание рынка и частной собственности, то есть построение капитализма. Результат достигнут: капитализм построен, но какой-то «неблагой». Эпитеты к этой форме капитализма подбираются из ряда: «криминальный», «бандитский» и т.д. Оснований приписывать «ельциноидам» цель построения «идеального, справедливого капитализма» — немного. Быть может, «идеального» никто из властной группировки и не хотел, а хотели именно что уворовать и стать губернаторами нефтегазовой колонии Запада. Поэтому трудно утверждать, что они чего-то «не знали», а значит, и нет оснований говорить о выявлении «исторически нерешенных проблем» при построении капитализма из социализма, выводя их из расхождения целей с достигнутыми результатами.

Таким образом, в этих двух процессах и исторических периодах — в перестройку и постперестройку — решались разные задачи: с разными целями и разными движущими силами.

Альтернативные модели развития

Завершая наше первое знакомство с кругом идей и методов, высказанных в «Уроках»

Никанорова, перебросим мостик к актуальной проблеме, остающейся в центре нашего внимания уже несколько лет и ставшей одной из центральных сквозных тем альманаха «Развитие и экономика» — проблеме социального развития, его сути, смысла, целей и форм.

Тема «альтернативных моделей развития» в общественно-политическом дискурсе формируется вокруг старого остова, сложенного из таких строительных элементов, как «капитализм» и «социализм», «плановая» и «рыночная» экономики, «цивилизации Запада и Востока», «либерализм», «тоталитаризм», и прочих широко употребительных понятий и практик.

При этом под «альтернативой» обычно имеют в виду нечто не полностью копирующее «западную» модель развития. Актуальные вариации касаются дозировок в сочетании «прогрессивного» и «традиционного», «западного» и «восточного», «свободы предпринимательства» и «государственного регулирования», «глобализации-американизации» и «многополярности мира» и т.д. То есть речь так или иначе идет о выборе тех или иных инструментов, путей и методов достижения более или менее одинаково понимаемого состояния «развития»: «как в Америке» или «как в Европе».

Таким образом, под «моделями развития» чаще всего понимают технологические модели достижения этого состояния, а вовсе не вариативность в видах, смыслах и целях развития. Но это не просто ограниченный подход к проблеме, это тупиковый путь. Вариативны в первую очередь формы развитого общества, цели и смыслы развития, а не пути их достижения, которые тоже, конечно, могут быть разными.

В этом смысле именно Россия как обладающая (пусть еще и не осознанным) «опытом СССР» и Китай, продолжающий двигаться по своему участку исторического пути, могут преподнести миру необходимое разнообразие действительно альтернативных социальных форм, каждая из которых отразит свое оригинальное понимание развития. На теоретическом уровне создание таких моделей должно идти и в России, и в Китае, и в других странах «альтернативных ценностей и этических систем». Какие-то из этих моделей могут и должны быть опробованы на практике.

Мы уверены в необходимости непрерывного поиска самых разных моделей развития и разделяем уверенность Никанорова «в перспективности новых обществ, в частности, осваивающих модифицированный советский социализм». Но мы также уверены и в том, что никогда не будет «самой лучшей» или «единственно верной» экономической модели, формы государственного устройства или идеологии. Мир изменяется, и человеку свойственно изменяться, искать и находить новое во всём, включая новые социальные формы, — человечество уже прошло достаточно сложный, разнообразный и драматичный путь, для того чтобы осознать эту простую мысль. То, как надо переходить от одной социальной формы к другой, по каким критериям следует принимать или отвергать новые формы и цели развития, составляет, быть может, самую главную область знаний об обществе, которая только начинает складываться. И работа Никанорова в этом смысле является одной из основополагающих и вдохновляющих. Вот в заключение еще несколько высказываний из «Уроков», настраивающих на оптимистич-

ный поиск путей к лучшему будущему.

«Случившееся с СССР не является “крахом” социализма, а является торжеством опыта построения социализма, поскольку этот опыт учит, как надо решать подобные или еще более сложные задачи в различных ситуациях».

«Состоявшийся — вопреки всему — опыт СССР указывает на исторически нерешенные проблемы, определившие границы того, что было сделано СССР, а теперь сдерживающие улучшение понимания социализма и его реализации, что и является уроками СССР».

«Восстановление СССР в России или где-либо еще не только невозможно, но и нецелесообразно. Опыт СССР проводился совсем в иных исторических условиях и при особых конкретных обстоятельствах».

«Царящее в мире непонимание происходящего, страх перед любыми новациями в формах общества делают выявление и освоение уроков СССР необходимыми. Обострение несостоятельности капитализма может вызвать общенародное шараханье к советскому социализму, что опасно».

«Единственным продуктом любого текущего исторического этапа является подъем сознания человечества, его качественное изменение, всё остальное — продукт роста сознания; уроки прошедшего заключены в исторически нерешенных проблемах».

«Теперьшние общественные формы, порождаемые устаревшими ценностями, становятся несостоятельными».

«Исторически нерешенной проблемой является разработка основ понимания происходящего».

«В современных условиях развитие способности решать задачи, подобные строительству социализма в СССР, становится всё более актуальными».